

ОБРАЗЫ И ПЕРСОНАЖИ НАРОДНЫХ ВЕРОВАНИЙ

УДК 398
ББК 82.3

ВЕЩИЦА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИАРГУНЬЯ¹

ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ КЛЯУС

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация,
121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

***Аннотация.** В статье анализируются мифологические рассказы и интервью, записанные от жителей российского (Восточное Забайкалье) и китайского (Трехречье) Приаргунья, в которых упоминается вещица — женский демонологический персонаж, известный в фольклоре славянских народов. Автор сопоставляет свой материал с материалами исследователей из Перми — А. В. Черных, И. И. Русиновой и Ю. А. Шкураток, которые впервые в отечественной науке подробно проанализировали мифологические рассказы о вещицах, бытующих в Среднем Прикамье и Приуралье. Материал из Приаргунья, приведенный в статье, показывает значительное сходство «приаргунской» вещицы с камско-приуральской практически по всем характеристикам, которые были выделены пермскими исследователями. По мнению автора, это может указывать на некоторые миграционные процессы, в частности, на заселение определенной части Восточного Забайкалья выходцами из Средней Камы и Приуралья. В приложении к статье даются наиболее интересные приаргунские мифологические рассказы о вещицах.*

***Ключевые слова:** Восточное Забайкалье, Приаргунье, Трехречье, мифологические рассказы, вещица.*

Одной из интереснейших изоглосс в культуре славянских народов является представление о женских демонологических персонажах, называемых вештицы/векшицы/вещицы. В «Славянских древностях» им посвящена обширная статья Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой, в которой подробно проанализирован балканский материал. Относительно русского сказано буквально лишь следующее: «В районах Урала и южной Сибири “вещицей” называли нечистую силу, ведьму, летающую в виде сороки и вредящую беременным и женщинам» [Виноградова, Толстая 1995, 368]. Сегодня благодаря прекрасной статье пермских исследователей А. В. Черных, И. И. Русиновой и Ю. А. Шкураток «“Ве-

щица” в мифологических рассказах русских Среднего Прикамья», опубликованной в № 2 альманаха «Традиционная культура» за 2016 г., мы имеем подробный анализ приуральского и прикамского материала [Черных, Русинова, Шкураток 2016, 62–79]. Авторы констатируют, что представления о вещицах/вештицах локализируются в юго-западных р-нах Пермского края, юго-восточных р-нах Удмуртии, северо-восточных р-нах Башкортостана, северо-западных р-нах Татарстана — сопредельных территорий среднего течения Камы, которые заселялись выходцами с Русского Севера, Вятки и Перми Великой [Там же, 75]. Как указывают авторы, особенность Среднего Прикамья состоит в том, что этот регион «зани-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-0044а.

мает переходное положение между тремя сопредельными историко-этнографическими районами расселения русских — Пермь, Вятки и Поволжья», что, в свою очередь, по их мнению, обусловило «формирование и специфику традиционной культуры этого района, в том числе становление особого комплекса мифологических представлений о вещичах» [Там же, 75–76].

Полевые исследования, которые проводятся мной на приграничной между Россией и Китаем территории Приаргунья в последние годы, позволяют добавить еще одну точку на территории расселения русских, где зафиксированы рассказы о вещичах. При этом следует заметить, что пока это единственное место в Забайкалье, где зафиксировано само слово *вещица*. В словарях, отражающих лексику русских Забайкалья и Прибайкалья, данное слово или вообще не зафиксировано, или ему дается значение *сороки* или другой птицы, которая что-то предвещает, в первую очередь беду.

В Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья под ред. Т. Б. Юмсуновой слово не приводится [Юмсунова и др. 1999].

В Словаре русских говоров Забайкалья Л. Е. Элиасова:

Вещица, — ы, ж. Сорока. *Вещица прилетела, что же она принесла*. Рябов А. *Сорока — вещицей не даром прозвалась*. Нефедьева Е. [Элиасов 1980, 77].

В Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири Г. В. Афанасьевой-Медведевой с этим слово встречается 4 словарных статьи:

Вещица, — ы, ж. Птица, по суеверному представлению, предвещающая беду, несчастье. ср.: *вещуница, вещунья* [Афанасьева-Медведева 2007–2013, т. 7, 81–82];

Вещица. *вещИЦа-сиНИЧка. Птица (синица), согласно суеверным представлениям, предвещающая беду, несчастье [Там же, 82];

вещИЦа. *вещИЦа-сова. Лесная птица (сова), согласно суеверным представлениям, предвещающая беду, несчастье [Там же];

вещИЦа. *вещИЦа-сороОка. Птица (сорока), согласно суеверным представлениям, предвещающая беду, несчастье [Там же, 83].

Приведенные в издании Г. В. Афанасьевой-Медведевой рассказы демонстрируют указанную в словарных статьях функцию

птиц. При этом наибольшее распространение, практически по всей Байкальской Сибири имеет понимание *вещицы*, как *сороки*. Зафиксировано его бытование и в близких к Приаргунью р-нах Забайкальского края — в Балейском, Борзинском, Карымском, Кыринском, Сретенском, а также в районах, часть территорий которых я отношу к данному региону — в Калганском и Газимуро-заводском.

Лишь в одном из текстов в сборнике В. П. Зиновьева «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири», записанном в с. Пешково Нерчинского р-на, упомянута *вещейка*. Исполнитель относительно нее дает следующее пояснение, которое помещено там в скобки: «*вещейки, которые в сорок превращаются и залетают в печную трубу, поэтому трубу всегда надо на ночь закрывать*» [Зиновьев 1987, 151]. При этом из комментариев к данному тексту следует, что под *вещицей* нужно понимать именно сороку, в которую превращается ведьма, обладающая даром оборотничества [Там же, 250].

Исходя из материалов пермских исследователей, специфической функцией *вещицы* является «причинение вреда репродуктивному здоровью человека и животных», и наиболее распространенный мотив в рассказах о ней — это «вынимание плода из чрева беременной женщины или самки животного и замена его каким-либо бытовым предметом» [Черных, Рушинова, Шкуратов 2016, 65].

В указателе В. П. Зиновьева этот сюжет «Г17» сформулирован следующим образом: «**Ведьма** похищает плод из чрева: ведьма (в образе сороки) ночью летает по домам (по дворам), вынимает ребенка из чрева беременной женщины (теленка из чрева стельной коровы), взамен подкладывает головешку (голик, краюшку хлеба, кисть), вынутый плод съедает» [Зиновьев 1987, 314]. В самом сборнике представлено 8 текстов с данным сюжетом — из Нерчинского (4), Сретенского (3) и Шилкинского (1) р-нов Читинской обл. в записях 1969–1978 гг. Но мифологические рассказы с этим сюжетом в Нерчинском округе были записаны еще К. Д. Логиновским в начале XX в., действующее лицо в них — ведьма [Логиновский 1903, 12–14].

В работе В. С. Левашова «Региональные особенности русского фольклора Забайкалья. Вып. 2. Мифологические рассказы»

речь идет также только о «ведьмах», но это неудивительно, так как в своем учебном пособии для учителей автор опирался только на материалы сборника В. П. Зиновьева [Левашов 1998, 72–73].

Казалось бы, можно сделать вывод, что для Восточного Забайкалья, частью которого является Приаргунье, мы имеем прямо противоположную ситуацию, чем в Среднем Прикамье, где, по утверждению пермских исследователей, *ведьма*, как номинация женского демонологического персонажа, для данного сюжета зафиксирована в небольшом количестве [Черных, Русинова, Шкураток 2016, 70]. Но на самом деле женский демонический персонаж назван именно *ведьмой* в рассказах только у К. Д. Логиновского, который, скорее всего, редактировал свои записи. А в текстах сборника В. П. Зиновьева указывается имя или ее родственный статус по отношению к главному герою/исполнителю: свекровь (в 2 рассказах), жена (в 3 рассказах), мать жены, сватья Филиха, Карпушиха, невестка Татьяна (жена младшего брата), подружки жены [Зиновьев 1987, 151–155, 174], т. е. В. П. Зиновьев, а вслед за ним и В. С. Левашов отнесли этих действующих лиц к разряду «ведьм» из классификационных соображений, не опираясь на конкретный материал. Тем больший интерес представляют мои записи, сделанные в 2009–2015 гг. в Калганском р-не Забайкальского края (села Доно, Кадая, Средняя Борзя) и в городском округе Эргуна Автономного р-на Внутренняя Монголия КНР (пос. Эньхэ), где компактно проживают китайские русские, потомки ушедших в 1920-е гг. из Забайкалья в Китай русских эмигрантов (см.: [Кляус 2015]).

В этой связи хотелось бы не согласиться с М. Н. Власовой, составителем фундаментального сборника «Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв.», которая в комментариях к разделу «Вещицы. Удельницы» пишет, что большая подборка о вещицах опубликована В. П. Зиновьевым [Власова 2013, 834]. Иркутский исследователь, собравший значительный по объему материал, судя по всему, не считал, что он записывает рассказы именно о данном персонаже, так как не услышал от своих многочисленных респондентов соответствующей номинации: только один из них мимоходом сообщил о каких-то *вещейках*, которые были поняты комментаторами как обозначение сороки. Кроме этого, необходимо

указать, что в сборнике М. Н. Власовой два из пяти размещенных в разделе текстов взяты уже из упомянутого собрания К. Д. Логиновского, в которых действующими лицами являются *ведьмы* [Там же, 521–522]. Отнесение их к рассказам о вещицах также не совсем правомерно. В настоящей статье тексты со схожими сюжетами и мотивами, связанные с иными номинациями, как и пермские коллеги, я не рассматриваю.

Говорить о том, что упоминание *вещиц* в рассказах приаргунцев носит массовый характер, было бы неверно. Речь идет об немногочисленных фиксациях, но они однозначно указывают на локализованность данного женского мифологического персонажа в Восточном Забайкалье, придавая ему определенную историческую глубину (см. в приложении к данной статье наиболее интересные тексты, которые даются с купюрами моих реплик и реплик слушателей). Замечу, что каждое первоначальное упоминание вещиц не было обусловлено специальным вопросом про них. Исполнительницы употребляли номинацию в процессе рассказа, вызванного разговором о людях с необычными способностями, женщинах, которые способны нанести порчу, колдунах и пр.

«*Котора, говорит, женщинына в полуженьи. они вот эти, оне говорят — эта вещица, э, рабёнка украдут*» (Зап. от Маруши Дементьевой, 1941 г.р. (род. в Караванной), пос. Эньхэ, г.о. Эргуна, АРВМ, КНР. 2009 г. [ИМЛИ 2009], далее — М. Дементьева, Эньхэ);

«— А я слышал, что они колдуны летают как-то, да? <Соб.>

— Но, у нас *вещицы* тут есть» (Зап. от Марии Максимовны Кочетовой, 1930 г.р., (род. в Курской обл., в Забайкалье приехала в 1930-е гг. ребенком вместе с родителями), с. Доно, Калганский р-н, Забайкальский край. 2013 г. [РГУ 2013], далее — М. М. Кочетова, Доно);

«И у нас вот тут одну, вот у которых чудило. Значит вот жеребёнок, кобыла жеребится. Жеребёнка куды-то денут, а туды голик затолкают кобыле. Было это дело у нас. *Вёщицы* их звали. Вот этих баб. Да» (Зап. от Зинаиды Ивановны Терпуговой, 1932 г.р. (род. в Нижней Верее Нерчинско-заводского р-на), с. Средняя Борзя, Калганский р-н, Забайкальский край. 2015 г. [ИМЛИ 2015], далее в тексте — З. И. Терпугова, Средняя Борзя);

«Как-то вышла одна женщинына взамуж и... и она эта, была **вешыца**. Она вышла вон за какого хорошего парня и превратила в собаку» (Зап. от Прасковьи Антоновны Озариковой, 1929 г.р. (род. в Средней Борзи), с. Кадая, Калганский р-н, Забайкальский край. 2015 г. [ИМЛИ 2015], далее — П. А. Озарикова, Кадая).

В Доно и Эньхэ о вещицах рассказывали и другие респонденты, но только после конкретного вопроса о них (вопросы появились после того, как в этих поселках была услышана данная номинация):

« — Вешыцы были такие, в трубу летали. Рассказывали про них? <Соб.>

— Рассказывали, у нас на Богословке одна была.

— И чего? <Соб.>

— Она переодевалась, гыт, в белом. И на метле бегала» (Зап. от Диониды Степановны Козловой, 1935 г.р., с. Доно, Калганский р-н, Забайкальский край. 2013 г. [РГГУ 2013], далее — Д. С. Козлова, Доно);

« — А вот слышали вешыцы какие-то были, у женщин с живота ребенка могли забрать? <Соб.>

— Ой. Но вроде, что это когда пофанда (культурная революция. — В. К.) была? Убивали-ли чё ли это народ? <Н. Д.>

— Не! Из живота заберут ребёнка и туда головёшку. <Соб.>

— А! <Н. Д.>

— Ха-ха. <П. С.>

— Это бывало. Рассказывали. <Н. Д.>

— Расскажите. <Соб.>

— Слыхала. <Н. Д.>

— Это при японцах ишио <П. С.>» (Зап. от Нины Дементьевой, 1934 г.р. (род. в Караванной) и Петра Ивановича Смолянского, 1934 г.р., (род. в Караванной), пос. Эньхэ, г.о. Эргуна, АРВМ, КНР. 2009 г. [ИМЛИ 2009], далее — Н. Дементьева и П. Смолянский, Эньхэ).

В статье пермских исследователей исчерпывающе проанализирован сюжетный состав мифологических рассказов о вещицах, их свойства и способности, функции, ипостаси, наименования, время действия, способы распознавания и защиты от них, что позволяет использовать ее как некоторую матрицу для характеристики «приаргунской» вешыцы.

Вещица принимает облик птицы/животного/предмета².

« — Баба Зин, про вещиц расскажите еще!

— Про вещиц-то?

— Вешыцы ли, чё ли? Ха-ха. [Смеется.]

— Но они летали. Её потом сожгли.

Она лежала-то утром-то вся обожжена. Её поймали, **она в птицу превращалась**» (Зап. от З. И. Терпуговой, Средняя Борзя);

«Она стала ночью от него, он присилился будто спит. Она стала, он стал, поглядел — ага, она чипурится. Пишк, пишк, пишк! **Хоп и полетела**. Он: “Ой!” Он как напугался! **Вороной!** Он на улице вышел, поглядел, она летит, крыльем размахивает. Месеина было» (Зап. от П. А. Озариковой, Кадая);

— Вешыцы, да? Расскажите. <Соб.>

— Ну, да как, како рассказать. я сама-то не видела. Люди-то видели, она даже свиньей делается. <...>

— А еще в кого? <Соб.>

— Ну, кто-то говорит раньше — **в жеребёнка превра[щались]**» (Зап. от М. М. Кочетовой, с. Доно, см. выше);

« — А вешыцы, это как женщины такие?

— Женщины. Оне, гыт, могут сделаться птицей, хошь чем они могут сделаться» (Зап. от М. Дементьевой, Эньхэ).

Мифологических рассказов, в которых бы вещица превращалась в предметы, в приаргунском материале не зафиксировано, хотя сообщение Маруси Дементьевой, приведенное здесь последним, может на это указывать.

Вещица, обмазавшись краской/летучей мазью/маслом/медом/сажей, покидает дом через печную трубу на метле/помеле/ухвате/хлебной лопате.

«Сама на могилы летала, бегала, **намажется** и сделается вороной, и, но, на могилы прилетит» (запись 27.04.15); «Он хотел сам попробовать этим мазью, капли эти, стояли на столике. **Много каплев, несколько. Она имя прыскалась**. Вот он на её скараулил, поглядел, когда она прыскалась, он терпел, терпел и решил её скараулить, поймать — куды она уходит?» (запись 28.04.15) (Зап. от П. А. Озариковой, Кадая);

«Она, гыт, стала, грит, и кого-то, гыт, суды **намазала** и вылетела в трубу» (Зап. от Н. Дементьевой, Эньхэ).

² Здесь и далее используются формулировки «матрицы» из статьи пермских исследователей [Черных, Русинова, Шкураток 2016, 68].

«Приаргунская» вещица, чтобы оборотиться в птицу или каким-либо образом вылететь в трубу, чем-то мажется или прыскается какими-то каплями. Покидает дом она каждый раз через трубу русской печки, но при этом не используя каких-либо предметов, как это встречается в прикамском и приуральском материале.

Вещицы собираются на совместные сборища, проводимые на горе/на поляне/в лесу/в доме.

«Он потом чё? <...> И взял тоже пузырьрёк и тоже себе намазал. Хе-хе. И тоже в трубу вылетел! <...> В трубу вылетел, и стоит конь белый. От на этот коня сядь и его, на этом коне и поехал. От, гыт, он его этот конь ши-, быстро бежал, какоды ли летел, гыт, и в лес. Заехал, гыт, в лес — сопка. Но там, ой, но все, все сидят, грызут всяки — собачину и конину, и человечью, и ребятишечью, всяки» (Зап. от Н. Дементьевой, Эньхэ).

«Оне придут и унесут его, съедят-так, говорит, э. А эта не могут найти. Потом, гыт, узнали их, увидали, оне, гыт, ночью- в бане синенький огонь горит, оне, гыт, там едят сидят» (Зап. от М. Дементьевой, Эньхэ).

Из приаргунских рассказов узнаем, что вещицы могут собираться и в бане. Свой вред вещица наносит и в одиночку, и в группе себе подобных. Любопытно, что в одном из приаргунских рассказов исполнительница упомянула о какой-то школе: «Это же было! Видно бить, до нашей веры, эры ишишо. Но и она чё? А он жанился на ей, а она, видать, окончила эту школу. Но она не одна окончила, видать, их много» (Зап. от П. А. Озариковой, Кадая).

Муж вещицы/странник/нищий/солдат, остановившийся на ночлег, отправляется вслед за вещицей на шабаш; будучи обнаруженным, получает от вещицы «коня» — липовую палку, чтобы вернуться домой.

«Но и потом вот он её скараулил, скараулил её и за ей пошёл, как она эта, и пришёл на кладбище и ви-, видел, как она делала. И когда она... И пришёл домой скорей, её, потом, когда она прилетела, он сразу же стал. Она, она, за-, она опять намазалась, там, видно, на улице, и заходит. Он grit: “Не ложись ко мне спать! Ты мертвецов ешь!”» (Зап. от П. А. Озариковой, Кадая);

«Но пришёл нищий один. Он попросился у их ночевать. А он сказал, что: “Ночевать можно, что у меня баба, наверно,

вот родит, а в избе места нету”. <...> “Но я тут на гобчике”. <...> Он смотрит — она стала, эта старушка, стала. В русску печку, гыт, зажгла, гыт, огонёк, какой-то синенький, гыт, огонёк горит. Она, гыт, стала, grit, и кого-то, гыт, суды намазала и вылетела в трубу. <...> И взял тоже пузырьрёк и тоже себе намазал. Хе-хе. И тоже в трубу вылетел! <...> В трубу вылетел, и стоит конь белый. От на этот коня сядь и его, на этом коне и поехал. От, гыт, он его этот конь ши-, быстро бежал, какоды ли летел, гыт, и в лес. Заехал, гыт, в лес — сопка. Но там, ой, но все, все сидят, грызут всяки — собачину и конину, и человечью, и ребятишечью, всяки. И она там. Она, гыт, подошла: “Ты зачем сюда приехал?! Уходи скорей! Сейчас, гыт, но начальник придёт тебе сразу готовой”. <...> Он вышел. И конь, гыт, стоит опять же этот белый. Она сказала, что ты не оглядывайся взад. Он всё, гы-, летел, гыт, на ём. Когда доехал до дома, оглянулся — у его палка белая!» (Зап. от Н. Дементьевой, Эньхэ).

Вещица извлекает плод из чрева беременных женщин/самок животных и заменяет его бытовым предметом (веником/головешкой/мочалом/мылом/хлебом).

«И у нас вот тут одну, вот у которых чудило. Значит вот жеребёнок, кобыла жеребится. Жеребёнка куды-то денут, а туды голік затолкают кобыле. Было это дело у нас. Вёцицы их звали. Вот этих баб» (Зап. от З. И. Терпуговой, Средняя Борзя);

«А он кругом-то очистил их, свечкой, гыт. Она боле не могла, это, веник она не могла ей, ещё не успела» (Зап. от Н. Дементьевой, Эньхэ).

В связи с подобными представлениями в Приаргунье существовал запрет выкидывать использованные веники и несгоревшие головешки.

«Или вот эта киска белить, то от эта головёшка. Вот бросает. У нас бабушка не давала бросать: “Ой, не надо бросать!” Скорее затушить его надо, в избу» (Зап. от Н. Дементьевой, Эньхэ).

В избе их хранили в подполье, о чем вспоминает одна из респонденток: «И когда с китайцем-то война зачалась осенью ту, приказали нам уходить в хранилище в колхозно, в сопки, всей деревней. А мы-то дома в подполье. Мать нас: “Залезайте в подполье!” А там завалинки вот такой вышины, вон — с бочку. И там набросано веников много. Вот, например, в бане

парились. <...> А веников-то голяков набросано было! Я потом матери говорю: “А чё, мать?” <...>

— А эти веники, откуда они? <Соб.>

— А веники-то вот с помела снимают, его на улицу нельзя было выбросить, бросали в подполье холодно. Мели вот пол, например, ли столы веником.

— А почему его нельзя бросать? <Соб.>

— А вот: то корове затолкают, телёнка выташишат вот эти проказники-то, чудили, чудили. И ребятишек умертвляли, и людей. <...>

— И мама эти веника клала в подполье? <Соб.>

— В подполье! Я маму спрашиваю: “Мама, а почему голяков-то в подполье, чё бы их в русской печке не сжигать?” И потом колидор тёплый был, втора изба, втора-то подгнила, отрезали, а колидор-то, плита там у нас стояла, трубы таки железны с русской печки проведёны, можно было и там сжигать. Вот этим паримся берёзовым веником, он же голый голик остаётся, их полно было, полно» (Зап. от Н. Дементьевой, Эньхэ).

Посторонний человек мешает вещице извлечь плод у беременной женщины.

Ни одной истории, в которой бы посторонний человек помешал вещице извлечь плод у женщины, в Приаргунье пока не зафиксировано, но в одном из рассказов он мешает ей съесть уже вынутый плод: «Вынела, хотела тока на его, он у ей забрал, перекрестил, и она не могла вы-. Он, ребёнка когда у её забрал, она в это время вылетела. Он ребёнка завернул и его в передний, к Богу туды унёс на стол, его положил, перину положил, его положил, ребёнка» (Зап. от З.И. Терпуговой, Средняя Борзя)

Вещица жарит младенцев или детенышей животных и поедает их.

«Котора, говорит, женщины в положении. они вот эти, оне говорят — эта вещица, э, рабёнка украдут. Но скоро приносят, оне придут и унесут его, съедят-така, говорит, э. А эта не могут найти» (Зап. от М. Дементьевой, Эньхэ).

Пока это единственное приаргунское свидетельство о том, что вещицы поедали вынутых младенцев. Данное представление забывается, как и то, что вместо плода они оставляли что-то беременной женщине:

«— Телёнка выташишат, молоко могут отобрать, и даже напустят, у ворот дома задавят, волк придёт. Чудили.

— И даже у женщины могли отобрать ребёнка? <Соб.>

— А как же! Конечно, отбирали. <...>

— А они женщине что оставляли? <Соб.>

— А вот ничё, бабе-то ничё, выдирали и всё. А куда девали, Бог их знат, сволочи эти» (Зап. от З.И. Терпуговой, Средняя Борзя).

В двух рассказах, записанных и в России, и на территории Китая, вещицы едят мертвечину на кладбище: «Он думат, что она румянится да пурится, а она вот этим фигурам, гыт, намажется, выходит на улицу, вороной сделатся, улетит на могилки, мёртв-, мертвеца выташишат, говорит» (запись 27.04.15). «Он сварит чё, приготовит, кушать её приглашат, она не садится. А потому что она наестся покойника и ей, кушать не садится» (запись 28.04.15) (Зап. от П. А. Озариковой, Кадая).

Вещица в облике свиньи преследует мужчину, чтобы повредить его половые органы.

В Приаргунье упоминался случай о том, что одна из вещиц оборачивалась в свинью и бегала в этом облике к крещенской воде:

«— Ну, да как, каво рассказать. я сама-то не видела. Люди-то видели, она даже свиньей делатся. А у ей счас ноги отнелись, царство ей в гости (?) ползат. Она пьёт шибко вино.

— А кому она свиньей казалась? <Соб.>

— Мы же в Крещение-то на речку ездим воду брать. Я вот достала щас бутылку из подполья. Святу воду. Мы святой называм. В прошлый год то у нас, в позапрошлый год поп приезжал, крест вырубали, вытиливали “Дружкой” на речке. Но вот она, гыт, бежала на пролубь ночью пить в двенадцать часов. Вот. А вы её даже не могли попасть ничем, в её не попадёшь» (Зап. от М. М. Кочетовой, Доно).

Истории о женщинах, оборачивающихся в свиней, которые преследуют в ночное время не только молодых ребят и мужчин, но и девушек, широко распространены по всему Забайкалью. Известного в Среднем Прикамье мотива о том, что вещица в облике свиньи пытается повредить половые органы мужчины, в Забайкалье мне не встретилось. Не зафиксирован он и В.П. Зиновьевым [Зиновьев 1987, 156–158]. Обычно такая свинья пугает, иногда при этом просто кусая или хватая за одежду.

Вещица в облике животного/птицы/ предмета, имеющего округлую форму, гонится за человеком, чтобы причинить ему вред.

В Приаргунье таких текстов о вещицах не зафиксировано.

Вещица, превратившись в сороку, отбирает молоко у чужих коров. Вещица насылает «килу».

Эти свойства вещиц в Приаргунье лишь упоминаются, развернутых рассказов о таких деяниях мне не встретилось.

« — И ребятишек умертвляли, и людей, особенно на воде, на воде, таких людей уничтожали. Пять минут, и умрёт человек, порчу напустят, и всё. <...>

— А про вещиц что ещё рассказывали? <Соб.>

— Про вещиц? Вот она захочет кого хошь угробят, человека, хоть кого.

— А коров? <Соб.>

— Телёнка вытаишат, молоко могут отобрать, и даже напустят, у ворот дома задавят, волк придёт. Чудили» (Зап. от З. И. Терпуговой, Средняя Борзя).

Чтобы распознать вещицу, нужно ее покалечить (ударить палкой / истыкать ножом / отрубить лапу), поскрести в печной трубе/ посмотреть через подол нижней юбки, бросить на нее соль.

«А она у его вещица первая-то жена была. Её потом поймали и ей клюв-то прижгли. В избе как-то она очудилась, летала, её поймали. Раньше-то же ещё и закрывали на вышку лазили, там затыкали, труба-то и землю подгребали. чтоб русска-то печка не выстывала. А тут, видно, уже была кака-то рамка своедельна, и она залетела и у ёй-то по избе летала. А её поймали, ей клюв-то прижгли. И утром-то пришли, она на голбце-то лежит у русской-то печки всё сожжёна лицо-то у ей, и нос сожжённый. Вот это не клюв был, а нос» (Зап. от З. И. Терпуговой, Средняя Борзя);

« — А вещицы, это как женщины такие? <Соб.>

— Женщины. Оне, гыт, могут сделаться птицей, хошь чем они могут сделаться. Один раз, гыт, как это. Одна, гыт, чушкой ли чё ли сделалась. Потом её... Курицей! Курицей, однако, в бане. Вот я забыла. Её поймали, поймали, ну птица и птица. А не стали её убивать, ничё, взяли ей ети, как её, ноги-та курице иголкой всё истыкали и нос ей маленька подрезали и опустили, что: “Ммы не верим, на завтра пойдём

проверять, у кого”. Пришли по домам. Вот пришли, эта, бабушка, гыт, на печке. Раньше всё печки, русски печки, на печках спали. Она, гыт, там на спечке спит. “Чё та бабушка-та спит?” — “Дак она у нас захворала, на гвоздь наступила, с ногой чёта делала, упала, нос всё разбила”. — “Но, гыт, мы посмотрим”. Посмотрели. “Правильно, гыт”» (Зап. от М. Деметьевой, Эньхэ).

Покалечить птицу или животное, в которые оборотилась женщина, отбирающая молоко у коров и занимающаяся порчей людей, скота и пр., хорошо известный русскому населению всего Восточного Забайкалья способ ее узнавания, встречающийся во многих мифологических рассказах на разные сюжеты.

Чтобы защититься от вещицы, беременная женщина должна надевать на себя мужские штаны, пояс от мужских штанов / класть мужские штаны под подушку / муж должен класть ночью на свою беременную жену руку или ногу / нужно класть под порог липовую палку / спать поперек пола, матицы.

В Приаргунье упоминаются только два способа защиты от вещиц:

1. Закрывать на ночь трубу.

« — А кто про вещицу рассказывал? <Соб.>

— Так но, это рассказывают, вот раньше было, говорит. А сейчас-то не знаю. Вот и трубу-то и говорят: “Закрывать всегда трубу, вещица летат!” Вот.

— Это к кому-то она залетала? <Соб.>

— Дак конечно, наверно, было. У нас то, у меня не, не трафлялось, но а говорят, значит было у кого-то» (Зап. от М. М. Кочетовой, Доно).

2. Разместить на пороге дома подкову. Этот способ упомянула одна из рассказчиц. Правда, таким образом защищались не от живой вещицы, а уже от умершей, видимо, для того, чтобы после смерти она не летала к своим родным:

« — Она умерла там у нас. Была забита подкова. Ни у кого не было в ту пору, а у их подкова на крыльце забита была. Все удивлялись, а это забиты, чтоб она не летала потом, покойница.

— А где она была забита? <Соб.>

— Прямо на крыльце.

— Прямо на крыльце? Внизу? <Соб.>

— Внизу» (запись 25.04.15);

«И она потом умерла, и потом забиты скобу на крыльце, подкову. Вот это

я хорошо помню сама» (запись 26.04.15) (Зап. от З. И. Терпуговой, Средняя Борзя).

В доме самой Зинаиды Ивановны также была подкова, прикрепленная к порогу крыльца. На мои расспросы о том, когда она ее сделала и почему, она как-то ушла от ответа, сказав лишь самое общее — «чтобы было лучше».

Подкову, прикрепленную к порогу на крыльце дома, мне приходилось видеть также в с. Козлово Калганского р-на. Хозяева объяснили, что это оберег «от всего худого». Вообще данная традиция не имеет широкого распространения в Забайкалье, за его пределами она встречается, к примеру, в Красноярском крае, где, разместив подкову таким образом, хотели добиться, чтобы не пропала скотина [Афанасьева-Медведева 13, 285–287].

Подводя итоги, можно констатировать, что «приаргунская» вещица в полной мере соответствует представлениям об этом женском демонологическом персонаже, которые бытуют в Среднем Прикамье и Приуралье. Там этот материал более разнообразен, но оно и понятно, так как вера в вещиц носит массовый характер, в отличие от Приаргунья. Полевые исследования в Приаргунском, Нерчинско-заводском, Газимуро-заводском р-нах, входящих в данный регион, не позволили пока обнаружить каких-либо упоминаний о вещицах, хотя записан целый ряд мифологических рассказов на сюжеты, которые связаны с данным персонажем, зафиксированы запреты не выбрасывать голик и невыгоревшее в печке полено.

Сегодня мы имеем только пять населенных пунктов Приаргунья и Восточного Забайкалья, где рассказывают о вещицах. Четыре из них находятся на территории России: с. Пешково Нерчинского р-на, села Доно, Средняя Борзя и Кадая Калганского р-на. Один — на территории Китая: пос. Эньхэ г.о. Эргуна, АРВМ.

Исполнительница из с. Средняя Борзя Зинаида Ивановна Терпугова родилась в д. Нижняя Веряя, которая, по ее словам, относилась к Нерчинско-заводскому р-ну (поселение находилось на Аргуни в 60 км от районного центра, сейчас его не существует). Именно там она от своей матери, которая прятала голики в подполье, услышала о вещицах. Исполнительница из с. Кадая Прасковья Антоновна Озарикова родилась в с. Средняя Борзя.

Исполнительницы из пос. Эньхэ сестры Нина и Маруся Дементьевы слышали рассказы о вещицах от своей бабушки, которая была родом из Нерчинского завода, именно оттуда она бежала в 1920-е гг. в Китай. Возможно, это случайность, но интересно, что девичья фамилия Прасковьи Антоновны — Дементьева, как и сестер Нины и Маруси из пос. Эньхэ.

Таким образом, список приаргунских поселений, где бытовали представления о вещицах, расширяется. К уже названному необходимо добавить Нижнюю Веряю и Нерчинский завод, исключив при этом, по-видимому, Кадаю.

Территориально от с. Пешково возле Нерчинска к с. Доно и далее к Аргуни, где находятся с. Средняя Борзя (выше по течению), Нерчинский завод и когда-то была Нижняя Веряя (ниже по течению) — это «клин», расширяющийся к приграничной с Китаем реке. Вероятно, когда-то территория бытования рассказов о вещицах в Восточном Забайкалье была более обширной, но показательно, что представления о них сохранились лучше всего именно на границе. Социальный состав проживающего здесь населения в XIX — начале XX в. — это горнозаводские и приисковые рабочие (Пешково, Нерчинский завод, Нижняя Веряя) и казаки (Доно, Средняя Борзя). Учитывая, что Забайкальское казачье войско было сформировано в 1851 г. в том числе из значительного числа горнозаводских крестьян, которых для поддержки работы сереброплавильных заводов переселяли в Восточное Забайкалье в XVIII–XIX вв. из различных регионов России, в том числе с Урала, рассказы о вещицах в Приаргунье могут служить одним из маркеров миграционных процессов того периода. В качестве гипотезы выскажу предположение, что в этом районе осели выходцы из Среднего Прикамья и Приуралья, на что указывают приведенные фольклорные данные.

В заключение хотелось бы обратить внимание на общие черты Приаргунья и Среднего Прикамья: обе территории находятся в приграничных этнокультурных зонах и в определенной изоляции. Последнее было особенно характерно для Приаргунья в XX столетии, и именно это, на мой взгляд, способствовало сохранению образа вещицы в мифологических рассказах русского населения приграничья по обе стороны Аргуни.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. У нас тот дом был, лес такой толстый сосновый. Я когда подросла, а в сруб картошку сыпали. Мешков двести. Хоть масло лей, не вытекет. И когда с китайцем-то война началась осенью ту, приказали нам уходить в хранилище в колхозно, в сопки, всей деревней. А мы-то дома в подполье. Мать нас: «Залезайте в подполье!» А там завалинки вот такой вышины, вон — с бочку. И там набросано веников много. Вот, например, в бане парились. <...> Но это там, конечно, веники эти <...>. Эта. А веников-то голяков набросано было! Я потом матери говорю: «А чё, мать? ...» И у нас вот тут одну, вот у которых чудило. Значит вот жеребёнок, кобыла жеребится. Жеребёнка куды-то денут, а туды голик затолкают кобыле. Было это дело у нас. Вёщицы их звали. Вот этих баб. Да. От счас тебе и расскажу. И, и он этот дед уехал в Омск, увёз сына, дочь уехала. И неродна дочь была. А она у его вещица первая-то жена была. Её потом поймали и ей клюв-то прижгли. В избе как-то она очудилась, летала, её поймали. Раньше-то же ещё и закрывали на вышку лазили, там затыкали, с труба-то и землю подребали. чтоб русска-то печка не выстывала. А тут, видно, уже была как-то рамка своедельна, и она залетела и у ей-то по избе летала. А её поймали, ей клюв-то прижгли. И утром-то пришли, она на голбце-то лежит у русской-то печки всё сожжёна лицо-то у ей, и нос сожжённый. Вот это не клюв был, а нос. И она потом умерла, и потом забили скобу на крыльце, подкову. Вот это я хорошо помню сама. Через речку, в соседях. Но оне уехали. Дочь Нюра умерла у их быстро, сын умер, и болезнь-то у их худа. Это где-то ещё в начале семидесятых ли в шиесятых годах у их уже раково заболевание было. Прешница была мать у их!

(Зап. от Зинаиды Ивановны Терпуговой, 1932 г.р. (род. в Нижней Верее Нерчинско-заводского р-на), Средняя Борзя, Калганский р-н, Забайкальский край. Соб. В.Л. Кляус. 2015 г.) [ИМЛИ 2015].

2. Как-то вышла одна женщинын замуж и... и она эта, была вешыца. Она вышла вон за какого хорошего парня и превратила в собаку. Вот. В собаку, своего мужа — в собаку превратила. Сама на могилы летала, бегала, намажётся и сделатся вороной, и, но, на могилы прилетит и... Не! Он ещё пока живой был, её скараулил. Скараулил чё она. Она... Он думат, что она румянится да пудрится, а она вот этим фигурам, гыт, намажётся, выходит на улицу, вороной сделатся, улетит на могилки, мёртв-, мертвеца выташыт, говорит. То ли правда, то ли нет, но не

знаю. <...> Но и потом вот он её скараулил, скараулил её и за ей пошёл, как она ета, и пришёл на кладбище и ви-, видел, как она делала. И когда она... И пришёл домой скорей, её, потом, когда она прилетела, он сразу же стал. Она, она, за-, она опять намазалась, там, видно, на улице, и заходит. Он грит: «Не ложись ко мне спать! Ты мертвецов ешь!» А она, а она... А он говрит:... Она говрит: «Ты чё, сдурел? Я почему же? Я же ходила-гуляла». «Нет, ты не гуляла». Она взяла и эту одну капельку на его раз, и он собакой сделался. И потом, но от и бегат. Домой придёт, она не пускат его. И всё, собака да и собака.

А одна женщина из магазина. В магазин ходит эта собака, лежит и лежит. Кто ей чё бросит, она съест. Она потом грит: «Ты чё, ты всё время тут лежишь и лежишь, собачка?» Она голову подняла, к ей ластится. Она гыт: «Нюка, пойдём-ка со мной!» Она, видно, эта старуха тоже как-то была така знаменита. Но вот это всё видно понимала. «Ты как, человек,— гыт,— вроде!» И увела и вот его, видно, знала это дело-то. И он, он, над ей, когда она его в избу завела, давай скулить и как, как вроде разговаривать ему надо. Она гыт: «А, понятно, понятно!» Достает, его спрыснула и он парнем стал. Она, она вот ему стала ему давай говорить вот как, вот как, вот как. И вот он потом у ей уничтожил вот это всё. И... А! Он её тоже сделал. А он её сделал тем жа. Вот тут я забыла. А он ей тоже потом тем-то сделал, пришёл. Он зашёл и её саму наладил. <...> Научи-, эта старушка его научила, поняла, что он надеванный чё-та. Но, видно, тоже бывало у ей чёта. Оно, как-то оно слышали друг о друга.

(Зап. от Прасковьи Антоновны Озариковой (девичья — Дементьева), 1929 г.р. (род. в Средней Борзи), Кадая, Калганский р-н, Забайкальский край. Соб. В.Л. Кляус. 2015 г.) [ИМЛИ 2015].

3. Котора, говорит, женщинын в положеньи. они вот эти, оне говорят — эта вещица, э, рабёнка украдут. Но скоро приносить, оне придут и унесут его, съедат-така, говорит, э. А ета не могут найти. Потом, гыт, узнали их, увидали, оне, гыт, ночью в бане синенький огонь горит, оне, гыт, там едят сидят. Ты это веришь? <...> Женщины. Оне, гыт, могут сделатся птицей, хошь чем они могут сделатся. Один раз, гыт, как это. Одна, гыт, чушкой ли, чё ли, сделалась. Потом её... Курицей! Курицей, однако, в бане. Вот я забыла. Её поймали, поймали, ну птица и птица. А не стали её убивать, ничё, взяли ей эти, как её, ноги-та курице иголкой всё истыкали и нос ей маленька подрезали и опустили,

что: «Ммы не верим, на завтра пойдём проверять, у кого». Пришли по домам. Вот пришли, эта, бабушка, гыт, на печке. Раньше всё печки, русски печки, на печках спали. Она, гыт, там на спечке спит. «Чё-та бабушка-та спит?» — «Дак она у нас захворала, на гвоздь наступила, с ногой чё-та сделала, упала, нос всё разбила» — «Но, гыт, мы посмотрим». Посмотрели. «Правильно, гыт».

(Зап. от Маруси Деметьевой, 1941 г.р. (род. в. Караванной), пос. Эньхэ, г.о. Эргуна, АРВМ, КНР. Соб. В. Л. Кляус. 2009 г.) [ИМЛИ 2009].

4. — А вот слышали вещицы какие-то были, у женщин с живота ребенка могли забрать? <Соб.> <...>

— Это бывало. Рассказывали. <...> Что одна вот, ну, невеска у ей. Она свекровка ей. Она вот умела, гыт, ета. Невеска, скока штук, она четырёх, она ей вы-, вынимала. Но пришёл нищий один. Он попросился у их ночевать. А он сказал, что: «Ночевать можно, что у меня баба, наверно, вот родит, а в избе места нету». Ну, у их вот этак же сарай тут. «Но ничё, я, гыт, тут, мол, могу». А он тама. Потом чё? Русски, у их печки... <...> гобчики. «Но я тут на гобчике». А она бабушка там спала, русска печка она от стены далёка, она там, grit, спала. А он тут на гобчике ляг. А он чё? Ляг, перекрестил. Она его не могла навроде. Вот, гыт, полночь подошло. Они спят. Муж с женой спят. Русски всё на полу. <...> Он смотрит — она стала, эта старушка, стала. В русску печку, гыт, зажгла, гыт, огонёк, какой-то синенький, гыт, огонёк горит. Она, гыт, стала, grit, и кого-то, гыт, суды намазала и вылетела в трубу. Потом опять она прилетела. Прилетела, хотела она ета. А! Ну, прилетела, рябёнка она у её выняла. Он всё видел. Вынула, хотела тока но его, он у ей забрал, перекрестил, и она не могла вы-. Он, ребёнка когда у её забрал, она в ето время вылетела. Он ребёнка завернул и его в передний, к Богу туды унёс на стол, его положил, перину положил, его положил, ребёнка. Он же ему хоть но, час не хватит родится, он же не будет плака-, плакать. Но оне, гыт, спят, крепко, гыт, спят, никакво не знают. А он кругом-то очистил их, свечкой, гыт. Она боле не могла, это, веник она не могла ей, ещё не успела. <...> положить. А то её муж всё время бил: чё, родит веник, веник. Он её бил, бил, что: «Ты, это у тебя ребёнок не мой, ты набегашь, потом его...» — «Так я как могу веник-то туды положить?» Или вот эта киска белить, то от эта головёшка. Вот бросает. У нас бабушка не давала бросать: «Ой, не надо бросать!»

Скорее затушить его надо, в избу. Вот эт, она, гыт. Он потом чё? Рябёнка уложил и их эта очертил свечкой, Бо-, Бо-, Богом багословил. И взял тоже пузырёк и тоже себе намазал. Хе-хе. И тоже в трубу вылетел! В трубу вылетел, и стоит конь белый. От на этот коня сял и его, на етим коне и поехал. От, гыт, он его этот конь ши-, быстро бежал, какоды ли летел, гыт, и в лес. Заехал, гыт, в лес — сопка. Но там, ой, но все, все сидят, грызут всяки — собачину и кóнину, и человечью, и ребятишечью, всяки. И она там. Она, гыт, подошла: «Ты зачем сюда приехал?! Уходи скорее! Сейчас, гыт, но начальник придёт тебе сразу готовой». Вот слышит, гыт, земля затряслась. Она гыт: «Скорей уходи!» Он... «Тока взад не оглядывайся!» Она ешо это??? <кит.>, сказала ему. Он вышел. И конь, гыт, стоит опять же этот белый. Она сказала, что ты не оглядывайся взад. Он всё, гы-, летел, гыт, на ём. Когда доехал до дома, оглянулся — у его палка белая! Ха-ха. <...> На палке летел. Теперече в избу-то ему не попасть по трубе-то. Ха-ха. Ну, чё, надо дожидать, раз ето. А петухи-то запоют, она оттуда, ей тоже надо тут же быть. Вот петухи-то запе-, не запели, она при-, прилетела. Она-то могла, залетела, потом ему дверь открыла. «Туна не верь, не говори» — ему. Он, не говори. «Я, гыт, не буду говорить». Ну, не буду, ладно. Она прилетела, ему потом дверь открыла, он зашёл ляг, она туды лягла. Вот часы подошло, баба давай мучатся, брюхо заболело, молодуха от стонет: «Брюхо болит, брюхо болит!» Он встал, её давай ругать опять: «Ты опять, наверно, сбегала там». Ага. Вот он. «Нет, у меня брюхо болит». А они туды не видят. Он наладил, и не видят. «Ой, брюхо болит,— стонет. — Брюхо болит. Вали за баушкой». — «Э, за какой баушкой? У нас своя баушка!» А она кого будет делать, она уж вынула. Её. «Ну, да я кого жа, я сама не могу, у меня голова болит!» Ну, она вот чё жа, ревела, ревела, ну нету ребёнка. «Так нету у меня ведь в брюхе-то ребёнка! Нету!» Крови пошли. Он опять её хотел тока бит, он: «Стой, огленись в передний угол». Он взглянул — лежит на столе. «Вот на сто-, твой детё!» — «А он как тут взялся?» — «Ну, рассветат, потом я скажу!» Вот оно рассветало, потом бабу уложили всё. Он потом сказал: «Вставай ты её, вставай, старуха, убирай всё, у молодухи крови». Она всё убрала, её положили на корвать, потом он сказал: «Завтрекать будем». Мать боится, она бегат. Она же не ест. «Она вот у нас мама-то не кушат». Она кого же, она там наестся эти про... всякую. «У нас мама больна, вот день лежит, ночь работат, больна-больна. То свари

не кушает, друго свари не кушает». Она ночь накушатся, там всё нагрезит. Много, гыт, она. А потом покушали, он потом сказал: «Извиняйся», — своему сыну! Сказал: «Ты свою жену ни за чё бил. У тебя мать вот, вынимала твоё, твоих детей!. Она её сразу вывел мать, убил. «Я, гыт, ты, гыт, сознавайся скока ты детей кончила». Она чё-та много своих и чужих. «Ну, гыт, я тебя сразу, с момента мне тебя не надо. Ты моих детей даже, не то что чужих!» Это я слышала, у нас баушка, много ходили

слушать, она всё рассказывала. Соберутся, все идут слушать. Вечером. Раньше японцы были, огонь-то не давали зажигать. Вот в печку дров накладут, сидят, прядут шени (?), шерсть, кто вяжет. Все: «Вот, бабушка, рассказывай нам». Она рассказыват, а мы слушаем, потом боимся.

(Зап. от Нины Дементьевой, 1934 г.р. (род. в Караванной) и Петра Ивановича Смолянского, 1934 г.р. (род. в Караванной), пос. Эньхэ, г.о. Эргуна, АРВМ, КНР. Соб. В.Л. Кляус. 2009 г.) [ИМЛИ 2009].

Литература

Афанасьева-Медведева 2007 — *Афанасьева-Медведева Г.В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: В 20 т. Иркутск; СПб., 2007-. Т. 1-.

Виноградова, Толстая 1995 — *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Вещица // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*: В 5 т. Т. 1: А (Август) — Г (Гусь) / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995. С. 367–368.

Власова 2013 — *Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв.* / Сост., подг. коммент. М.Н. Власовой. СПб., 2013.

Зиновьев 1987 — *Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири* / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Кляус 2015 — *Кляус В.Л.* «Русское Трехречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015.

Левашов 1998 — *Левашов В.С.* Региональные особенности русского фольклора Забайкалья. Вып. 2. Мифологические рассказы. Чита, 1998.

Логиновский 1903 — *Логиновский К.Д.* Материалы к этнографии забайкальских казаков // *Записки Общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела РГО.* Хабаровск, 1903. Т. 9. Вып. 1. С. 1–135.

Черных, Русинова, Шкуратов 2016 — *Черных А.В., Русинова И.И., Шкуратов Ю.А.* «Вещица» в мифологических рассказах русских Среднего Прикамья // *Традиционная культура.* 2016. № 2 (62). С. 62–79.

Элиасов 1980 — *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Юмсунова и др. 1999 — *Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья* / Под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.

Сокращения

ИМЛИ — Фольклорная коллекция Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

РГУ — Архив полевых исследований Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор филологических наук, заведующий отделом фольклора Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, Поварская ул., д. 25а; тел.: + 7 (495) 690-50-30; e-mail: v.klyaus@mail.ru

“VESHCHITSA” THE WITCH IN THE MYTHOLOGICAL NARRATIVES OF THE RUSSIAN POPULATION OF ARGUN’ THE RIVER’S BASIN

VLADIMIR KLYAUS

(Institute of World Literature named after A. M. Gor’kiy, Russian Academy of Sciences: 25a, Povarskaya str., 121069, Moscow, Russian Federation)

Summary. In this paper the author has analyzed mythological oral narratives and interviews, recorded at the basin of Argun’ the river from both the Russian (Eastern Trans-Baikal) and Chinese (Trehkheché — interfluvium of three rivers) sides, which consider Veshchitsa the witch —

a female demonic character widespread in the folklore of the Slavic peoples. The author compares his field material, with the Perm' materials, obtained by researchers from Perm' — V. A. Chernykh, I. I. Rusinova, and J. A. Shkuratok, who for the first time in domestic scholarship have examined in details mythological narratives about Veshchitsa the witches, appearing at the middle basin of Kama the river and the Urals. The material, obtained from Argun' the river's basin, analyzed in the paper, demonstrates significant similarities between the given regional manifestation of this character with all essential features, that have been highlighted by the Perm' scholars. The author supposes, that it may indicate some migration processes, in particular, that a certain part of Eastern Trans-Baikal has been inhabited by natives from the middle basin of Kama the river and from the Urals. The most interesting mythological narratives about the witches called Veshchitsa, recorded from Argun' the river's basin, are published in the Appendix to the paper.

Key words: Eastern Trans-Baikal, Argun' the river's basin, inefluve of three rivers, mythological narratives, "Veshchitsa" the witch.

References

Afanas'eva-Medvedeva G. V. (2007–) Slovar' govorov russkikh starozhilov Baykal'skoy Sibiri [Dictionary of Dialects of the Russian Long-time Residents of the Baykal Siberia]. In 20 vol. Irkutsk; St. Petersburg. In Russian.

Chernykh A. V., Rusinova I. I., Shkuratok Yu. A. (2016) "Veshchitsa" v mifologicheskikh rasskazakh russkikh Srednego Prikam'ya ["Veshchitsa" the Witch in the Mythological Narratives of the Russians at the Middle Basin of Kama the River]. Traditsionnaya kul'tura [Traditional Culture]. 2016. No. 2 (62). Pp. 62–79. In Russian.

Eliasov L. E. (1980) Slovar' russkikh govorov Zabaykal'ya [Dictionary of the Russian Dialects of Trans-Baikal]. Moscow. In Russian.

Klyaus V. L. (2015) «Russkoe Trekhrech'e» Man'chzhurii. Ocherki fol'klora i traditsionnoy kul'tury [The Russian Trekhrech'e in Manzhouli: Essays upon Folklore and Traditional Culture]. Moscow. In Russian.

Levashov V. S. (1998) Regional'nye osobennost' russkogo fol'klora Zabaykal'ya. Vyp. 2. Mifologicheskie rasskazy [Regional Features of the Russian Folklore of Trans-Baikal. Issue 2. Mythological Narratives]. Chita. In Russian.

Loginovskiy K. D. (1903) Materialy k etnografii zabaykal'skikh kazakov [Materials on

Ethnography of the Cossacks of Trans-Baikal]. Zapiski obshchestva izucheniya Amurskogo kraya Vladivostokskogo otdeleniya Priamurskogo otdela RGO [Proceedings of the Society on Studies of Amur Territory of the Vladivostok Department of Amur Branch of the Russian Geographical Society.]. Khabarovsk. Vol. 9. Issue 1. Pp. 1–135. In Russian.

Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. (1995) Veshtitsa [Veshchitsa the Witch]. Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities. Ethno-linguistic Dictionary]. In 5 vol. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow. Vol. 1. Pp. 367–368. In Russian.

Vlasova M. N. (ed., comp., comments) (2013) Mifologicheskie rasskazy russkikh krest'yan XIX–XX vv. [Mythological Narratives of the Russian Peasants in the 19th–20th Centuries]. St. Petersburg. In Russian.

Yumsunova T. B. (ed.) (1999) Slovar' govorov staroobryadtsev (semeyskikh) Zabaykal'ya [Dictionary of Dialects of the "Semeyskie" Old Believers of Trans-Baikal]. Novosibirsk. In Russian.

Zinov'ev V. P. (comp.) (1987) Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri [Mythological Narratives of the Russian Population of the Eastern Siberia]. Novosibirsk. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: v.klyaus@mail.ru

Tel.: + 7 (495) 690-50-30

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

Full Professor (Philology), head of folklore department, Institute of World Literature named after A. M. Gor'kiy, Russian Academy of Sciences

---